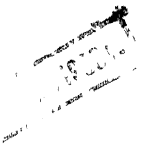
АКАДЕМИЯ НАУК СССР
И НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
КОМИТЕТ МОНГОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ
РЕСПУБЛИКИ

SSSR ULASIIN AKADEMI NAUK MONGOL
ULASIIN SINZILKE UKAANII KYREELEN
KOJOROOS KEBLEN GARGABA



ТРУДЫ МОНГОЛЬСКОЙ КОМИССИИ · № 8
MONGOL KOMISIIN ZOKIOOLUUD · № 8

Н. Н. ПОППЕ

ЗАМЕТКИ О ГОВОРЕ АГИНСКИХ БУРЯТ

N. N. POPPE

AGIIN BURIAADNARIIN KELENII AJALGIIN TUKAI TEMDEGLEL

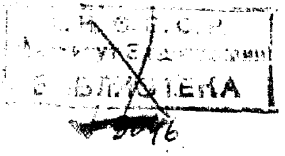
ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР
ЛЕНИНГРАД · 1932

SSSR ULASIIN AKADEMI
NAUKIIN KEBLEL
LENINGRAD · 1932 ON

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР

Декабрь 1932 г.

Непременный секретарь академик *В. Волин*



Технический редактор Л. С. Ляпунова. Ученый корректор И. А. Щерба

Сдано в набор 7 января 1932 г. — Подписано к печати 16 декабря 1932 г.

23 стр.

Формат бум. 72 × 110 см. — $1^{6}/_{8}$ печ. л. — 46 464 зн. тип. — Тираж 1000

Ленгорлит № 62448. — АНИ № 343. — Заказ № 22

Типография Академии Наук СССР. В. О., 9 линия 12

Н. Н. ПОППЕ

ЗАМЕТКИ О ГОВОРЕ АГИНСКИХ БУРЯТ

Настоящая статья является результатом наблюдений над говором агинских бурят во время моей поездки летом 1930 г. Поездка эта была совершена на средства Академии Наук при деятельном участии Государственного Института культуры Бурят-Монгольской АССР, прикомандировавшего в качестве участников этой экспедиции секретаря своего лингвистического отдела А. Н. Боржонову и студента Иркутского государственного университета Т. В. Баханова. Совместными усилиями участников этой поездки было собрано значительное количество материалов по языку агинских бурят, в том числе интересный фольклорный материал, среди которого особенного внимания заслуживает материал по шаманской поэзии. Работа велась в течение двух месяцев, главным образом в Агинском сомоне, Хойто-Аге, Урда-Аге, Кункуре и Хара-Шибире.

1. В связи с переходом бурят на латинский алфавит, я считаю целесообразным пользоваться в настоящей работе латинской транскрипцией. И так как настоящая работа является продолжением моих прежде начатых исследований бурятского языка, вылившихся пока в работу о говоре аларских бурят (Аларский говор, ч. I, Ленинград, 1930, ч. II, Лгр., 1931), в которой применялась, как вообще во всех русских монголоведных работах, русская академическая транскипция, необходимо здесь дать таблицу (см. стр. 4) соответствий знаков новой латинской и прежней русской транскрипции.

Что касается гласных, то их знаки в латинской транскрипции почти полностью совпадают с соответствующими знаками русской транскрипции, вследствие чего ограничусь приведением лишь знаков, отличных от прежних: таковыми являются u (ū, ŭ), u̇ (ū̇, ŭ̇) и ü (ṻ), эквивалентами которых в русской транскрипции являются y (ȳ, y̆), ẏ (ȳ̇, y̆̇) и ÿ (ȳ̈).

В качестве общего замечания, как к знакам согласных, так и гласных, следует заметить, что мною сохраняются прежние диакритические значки: знак придыхания ʿ (напр. tʿ), девокализации слабых согласных ˏ (напр. ḍ), долготы ¯ (напр. ā), краткости гласного ˘ (напр. ă), назализации ˛ (напр. ą̆), консонантизации гласного ‸ (напр. i̯) и т. д.

СОГЛАСНЫЕ

	Новая латинская транскрипция	Русская академическая транскрипция
Шумные	h	h
	q g x γ k g	k ґ х ҕ к г
	j	j̄
	t d	т д
	c ʒ s z	ц ʒ с з
	č ǯ š ž	ч ц̣ ш ж
	p b w	п б w
Плавные	ŋ	ӈ
	n r ł l	н р л l
	m	м

2. Наиболее яркой особенностью вокализма говора агинских бурят является полное неразличение гласных u̇ и ȯ.[1] Как известно, гласные u̇ и ȯ в ряде монгольских языков и наречий являются фонемами и различаются очень строго, напр. в халхаском языке (ср. там ḅu̇s 'пояс' — ḅȯs 'бязь', u̇s 'волос' — ȯs 'ненависть', u̇nŭr 'запах' — ȯnŏr 'большая родня' и т. д.). Различаются эти гласные и во всех западно-бурятских говорах, напр. в аларском (см. Аларский говор, § 35). В хоринском говоре, по словам Руднева (Хори-бурятский говор, вып. I, § 63), письменным *ö* и *ü* соответствуют ȯ и u̇ непоследовательно. Это замечание Руднева было мною в свое время взято под сомнение, но, как выясняется теперь, неосновательно, ибо в хоринском говоре u̇ и ȯ, действительно, не различаются и наблюдаются весьма непоследовательно. Более того, на основании данных агинского говора, являющегося частью хоринского, можно теперь утверждать, что гласные u̇ и ȯ воспринимаются говорящими как один звук, почему в произношении одного и того же лица можно услышать одно и то же слово то с ȯ, то с u̇, причем, однако, чаще с u̇. Ср. следующие примеры, взятые из записей, сделанных в различных пунктах Агинского аймака: ХА (Хойтагинский сомон) zȯḅ 'правильно' = ал. (аларский говор) zȫḅ | u̇łĕgīi̯ 'люлька' =

[1] В настоящей работе знак ȯ употребляется для передачи гласного, среднего между high-mixed-wide-round и mid-mixed-wide-round, а не слегка палатализованного о, как напр., в халх. слове morĭ 'конь'.

халх. (халхаский язык) ôlg^{u}ī | А (Агинский сомон) ûgĕĺ 'зима' = ал. ëbĕĺ ûwĕḑĕk 'колено' = ал. ëbĕdĕk | xûĺ 'нога' = ал. xëĺ | ûḑḑĕr 'день' = ал. ëdĕr | mûɒgĕɒ 'деньги' = ал. mëɒgĕɒ | hûńï 'ночь' = ал. hëńĕ | xûmĕḑxĕ 'веки' = халх. xómŭsxŭ | У (Урдагинский сомон) ûĺĕɒ 'голодный' = ал. ëĺĕɒ | ûnĕr bajjăɒ 'богатый' = халх. ónŭr 'большая родня' | К (Кункурский сомон) ḑûššï 'правнук' = ал. dëšĕ и т. д.

3. В говоре аларских бурят за û первого слога следует из долгих гласных недифтонгического происхождения ē, но за ë первого слога — ō̄, ср. ûxē 'умер', но ëgō̄ 'дал' (Аларский говор, §§ 47, 49). То же самое явление наблюдается вообще в большинстве монгольских языков, напр. в халхаском (Б. Я. Владимирцов. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Ленинград, 1929, стр. 194). Агинский говор, как показывает его сравнение хотя бы с аларским, и в этом пункте отличается довольно существенно. Дело в том, что здесь прогрессивно-лабиализующее влияние оказал на следующий гласный не только ó, но вообще всякий û и, что особенно интересно, также долгий ū, который в аларском, наоборот, аннулирует даже лабиализующее влияние ë первого слога на долгий гласный слога, отделенного от него слогом с ū (Аларский говор, § 47). Ср. следующие примеры: А ûxō̄ 'умер' = ал. ûxē | ûzō̄w'ï 'я видел' = ал. ûzēp | ûŕō̄ 'трехлетний конь' = ал. ûrē 'молодой конь' | t'ûĺō̄ɒ 'дрова' = ал. t'ûĺēɒ | ûńō̄ɒ 'корова' = ал. ûńēɒ ~ n'ēɒ | ХА ûzūĺō̄t 'показав' = ал. ûzūĺēt | ûzĕxō̄ 'чтобы посмотреть' = ал. ûzĕxĕjē | zûrxĕjō̄ 'свое сердце' = ал. zûrxĕjē | xûnhō̄ 'от человека' = ал. xūnhē | xûšō̄r 'силой' = ал. xûšēr | У þû't'ō̄žï 'выполнив' = ал. bûtēžĕ | t'ûrūĺō̄t 'породив' = халх. t'órūlēt | gûigō̄rē 'беги!' = ал. gūigērē | ńûḑō̄r 'глазами' = ал. ńüdēr | xûrō̄ 'достиг' = ал. xûrē | ḑûrō̄ 'кончился' = ал. dūrē | gûzō̄ 'желудок' = ал. gûzē | þûgĕḑō̄rō̄ 'все вместе' = халх. þûgŭḑērē | t'ûrgō̄r 'быстро' = ал. tûrgēr | jūgō̄r 'чем' = ал. jūgēr и т. д.

Таким образом оказывается, что долгий ō̄ является сплошь да рядом там, где мы ожидали бы ē, что, впрочем, сильно сближает агинский говор с унгинским, ср. там ūdō̄rō̄ 'своей дверью' и т. д. (Аларский говор, § 49). Естественно, что ō̄ в этом положении чередуется с ē, напр., ûxē 'умер'. Более того, очень часто, когда в других говорах наблюдается ō̄, т. е. когда гласным первого слога там является ó, в агинском наблюдается ē, напр. К ûŕō̄ĺ ~ ûŕēĺ 'благопожелание' = ал. ərō̄ĺ, унг. (унгинский говор) ërō̄r, халх. jörō̄l | ûḑḑĕr't'ē 'своему дню' = ал. ëdĕrtō̄.

Как показывают примеры, ē и ō̄ друг друга заменяют в этих положениях и для говорящих являются совершенно равноценными, как равноценными являются û и ó первого слога. По правилам орфографии нового литературного бурят-монгольского языка, долгий ē должен писаться после û первого слога, но ō̄ после ó, т. е. ykee 'он умер', но өgөө 'он дал'. Ввиду того, однако, что û и ó первого слога агинскими бурятами не различаются, а, с другой стороны, звуки ō̄ и ē непервого слога в положении после û первого слога воспринимаются как один звук, это правило орфографии

должно, вероятно, доставлять им, как вообще всем хори-бурятам, большие затруднения. Это тем более так, что под влиянием ō̄ следующего слога, ů первого слога часто дает ȯ, т. е. ассимилируется, напр. К g̥ȯwō̄ 'низкий перевал' = халх. g̥ůwē.

4. В качестве общего замечания, одинаковым образом относящегося ко всем гласным говора агинских бурят, следует указать, что за исключением є и u, все гласные артикулируются в значительно большей степени спереди, чем в известных мне западно-бурятских говорах, аларском, унгинском, особенно боханском и т. д. Другими словами, гласные западно-бурятских говоров являются значительно более задними, чем гласные агинского говора. Таковы в особенности а, о, ī. Исключение представляет собою u (точнее ů), являющийся таким же задним гласным, как в аларском, и в особенности є, который в агинском наоборот, по моим наблюдениям, является еще более задним гласным, чем напр., в аларском говоре. Более того, є появляется в агинском говоре так же в качестве долгого, что не наблюдается в аларском. Такой долгий є, т. е. ē, наблюдается, конечно, только при непалатализованных согласных, обычно при х, g, но также и в иных положениях, чередуясь постоянно с более передним ē, напр. А aŋgăs-gē 'разинулся', b̥ēl̓ē 'перчатки', ůxĕ'ťrē 'до смерти', xērĕ 'гнедой', Х emēl̓ 'седло', ērūl̓ 'веретено', У nūgē 'перекочевал' и т. д.

Относительно і следует заметить, что он сохранился в словах переднего ряда как таковой, в противоположность аларскому говору, где он дал в таких случаях ё, т. е. гласный, средний между і и узким ė (Аларский говор, § 37), напр. jirxĕ 'притти' = ал. jërxĕ. Обычное развитие *i > є без палатализации соседнего согласного и ė с палатализацией его агинскому говору, конечно, не чуждо, ср. b̥ed̥'ĭ 'мы' = ал. bed'ĕ | erjĕ 'баран' = ал. ėr'jĕ | x'ėrē 'ворона' = ал. xerē и т. д.

Что касается долгого і, то в аларском говоре имеется один более передний долгий і, т. е. ī и другой более задний, т. е. ī. Первый всегда смягчает предыдущий согласный, второй нет. То же самое наблюдается и в агинском говоре, напр. А ť'ůŕī 'голенище' = ал. tůŕē^{i} | m'ī 'кошка' = мо. *mis* | hůjī 'пятка' = ал. hůgē^{i} | xėr'p'ʿīs 'кирпич' < русск. | hejī 'войлок' = ал. hejē и т. д. и с другой стороны А orŏd̥ī 'русского' (genitivus) | xel'ʿťĕgī 'кривой' = ал. xel̓tĕgē^{i} | Х xed̥ī ~ xed̥^{u}ī 'сколько' = ал. xůd^{u}ī | ed̥^{ů}ī ~ ed̥ī 'еще нет' = ал. ëd^{u}ī | hīxĕ 'серьги' = ал. hīxĕ | ůxĕd̥īn 'когда дает' = ал. ëxĕdīń и т. д. Нужно заметить, что ī и ī являются фонемами, ср., напр. Х b̥'ī 'я' и b̥ī 'есть' = ал. b'ī 'я', 'есть' = мо. *bi* 'я' и *bui* 'есть'.

Краткий і непервых слогов в западно-бурятских говорах ассимилировался гласному первого слога, ср. напр. бох. (боханский говор) al̓ăžă 'убивая' = мо. *alaǰu* | ал. mańjăhăŋ 'лук' = мо. *manggir* и т. д. Это явление, характерное, повидимому, для очень большого количества говоров бурятского языка, было учтено составителями правил орфографии нового бурят-монгольского литературного языка, согласно которым после шипящих и j следует писать в непервых слогах не і, но а, е или о в зависимости

от того, какой гласный имеется в первом слоге, напр. jabaža ‘идя’ orżo ‘входя’. Агинский говор в отношении і непервого слога занимает то же место, что и халхаский язык, т. е. сохраняет довольно отчетливо слышимый і, точнее ĭ, напр. A ȧę̇lšĭɔ ‘гость’ = ал. ā̆ šăɔ | erjĭ ‘кладеный баран’ = ал. ėr′jĕ | mor′ĭd̨ūt ‘кони’ = ал. mor′ŏhūt | t‘arx′ĭ ‘голова’ = ал. tars′ă ‘мозг’ | hor′m′ĭhăɔ ‘ресницы’ = ал. hor′mŏhŏɔ | aɔgĭr ‘турфан’ = ал. an′jăr | xŭršĭ ‘сосед’ = мо. *körsi* | henžĭ ‘пуговичное ушко’ = халх. sėnʒĭ | ab′ĭhăɔ так называют друг друга невестки дома = мо. *abisun* ‘сноха’ | zall′ĭm ‘молния’ = мо. *jali* ‘пламя’ = тюрк. Теленгит jaʎın, Тобольск jašın ‘молния’ | X an′jĭ ‘отделение’ = халх. ȧɔgĭ | zar′ĭmă ‘некоторые’ = ал. zar′ăm | ḅud̨găl′ĭ ‘плоть’ = мо. *budgali* < санскр. | soγŏl′ĭk ‘ящичек для буддийских книг’ = мо. *čoγuliγ* | У huršĭ ‘стрела с тупым концом’ < *surči* | dajĭna ‘небесная красавица’ = мо. *dagini* < санскр. | ХШ (Хара-Шибирский сомон) zoxx′ĭd̨ ‘приличный’ = халх. ʒoxxĭs и т. д.

5. Остальные краткие гласные непервого слога в агинском говоре представляют ту же картину, что в аларском: в качестве редуцированных наблюдаются ă, ŏ и ĕ. Правда, после u и ů (ü) первого слога редуцированным гласным следующего слога является очень часто гласный типа u и ů, т. е. ŭ и ŭ, но в медленной речи обычно слышатся гласные типа a и e, почему в дальнейшем редуцированные гласные будут передаваться только знаками ă (после a и u первого слога), ŏ (после o), ĕ и ĕ (после e, ȯ, ů первого слога).

6. Заместителями сочетаний типа гласный + y < *γ + i в агинском говоре являются дифтонги, как напр. в халхаском, но не долгие передние гласные, как в западно-бурятских говорах, напр. боханском, унгинском, аларском и т. д. Агинский говор в этом отношении полностью совпадает с тем, что в свое время установил Руднев в отношении изученного им хоринского говора (Хори-бурятский говор, § 68), и развития, которые получили упомянутые сочетания, здесь совершенно те же, что в частности в халхаском языке (G. J. Ramstedt. Das Schriftmongolische und die Urgamundart phonetisch verglichen. Helsingfors, 1902, § 58; Владимирцов, op. cit., § 144 и сл.). Развития эти можно представить в следующего рода таблице.

Письменн. монг. язык	Халхаский язык		Агинский говор		Аларский говор	
	Первый слог	Остальные слоги	Первый слог	Остальные слоги	Первый слог	Остальные слоги
ayi	ȧę̇	$^{a}\bar{e}$	ȧę̇	$^{a}\bar{e}$	$\bar{\bar{a}} \sim \bar{\bar{a}}^{i}$	$\bar{\bar{a}} \sim \bar{a}^{i}$
oyi	oę̇	$^{o}\bar{e}$	oę̇	$^{o}\bar{e}$	$\bar{\bar{o}} \sim \bar{\bar{o}}^{i}$	$\bar{\bar{o}} \sim \bar{\bar{o}}^{i}$
uyi	uį̇	$^{u}\bar{\imath}$	uį̇ $\sim \bar{\bar{u}}^{i}$	$^{u}\bar{\imath}$	$\bar{\bar{u}} \sim \bar{\bar{u}}^{i}$	$^{u}\bar{\imath}$
üyi	üį̇	$^{u}\bar{\imath}$	üį̇ $\sim \bar{\bar{u}}^{i}$	$^{u}\bar{\imath} \sim \bar{\imath}$	$\bar{\bar{u}} \sim \bar{\bar{u}}^{i}$	$^{u}\bar{\imath}$
eyi	ī	ī	ī	ē	ī	$\bar{e} \sim \bar{e}^{i}$

В таблице представлены, конечно, лишь самые обычные соответствия, но нужно заметить, что есть и другие. Прежде всего ^{a}ē довольно часто чередуется с ā̄, обычно в конце слова, и есть ряд слов, напр. глагольных форм, которые имеют в конце всегда ā̄, не ^{a}ē, напр. jawārā̄ 'иди!'. Точно также, некоторые суффиксы имеют не ^{a}ē, но ε̄, напр. суфф. -ʿtʿε̄ имен принадлежности, напр. axxăʿtʿε̄ 'со старшим'. Конечное ^{o}ē чередуется с ō̄.

Примеры: А šaγ^{a}ē 'бабка' = мо. *siγai* | zaγăłm^{a}ē 'чекушка' = мо. *ǰaγalmai* | ȧę̣ł 'юрта' = мо. *ayil* | xu̯ās^{a}ē название одного из хорибурятских родов[1] | ȧę̣măq 'родство по мужской линии' = мо. *ayimaγ* 'племя' | tʿarx^{a}ē 'лысый' = мо. *taraχai* 'шелудивый' | ḍał^{a}ē 'море' = мо. *dalai* | g̮ax^{a}ē 'свинья' = мо. *γaχai* | tʿūr^{a}ē 'копыто' = мо. *tuγurai*, халх. tʿūr^{a}ē | nox^{o}ē 'собака' = мо. *noχai* | moγ^{o}ē 'змея' = мо. *moγai* | nox^{o}ēŋgō 'своей собаки' = мо. *noχai-yuγan* | zω̄ŕʿtʿ'ē 'с имуществом' = мо. *ǰögeritei* | üi̯hĕŋ 'береста' = мо. *üisün*, халх. üi̯s | xüi̯ʿtʿĕŋ 'холодный' = мо. *küiten* | X zui̯xmā ~ zū̄^{i}xmā 'коробочка из бересты' и т. д.

Сохранение дифтонгов представляет собою настолько характерное и обычное для агинского говора явление, что распространяется даже на суффикс родительного падежа -**ai* > аг. -^{a}ē. При помощи этого суффикса названная форма образуется от именных основ, оканчивающихся на все согласные, в том числе и на n, а также на долгие гласные, напр. X saγ^{a}ē 'времени' = мо. *čaγ-un* | zassăγ^{a}ē 'правительства' = мо. *ǰasaγ-un* | У ȧę̣măγ^{a}ē 'аймака' = мо. *ayimaγ-un* | b̮ołŏḍ^{o}ē 'стали' = мо. *bolod-un* | omŏγ^{o}ē 'рода' = мо. *omuγ-un* | К xašāγ^{a}ē ezĕŋ название одного шаманского божества, где xašāγ^{a}ē genit. от xašā (название одной горы на о. Ольхоне) = мо. *χasiya-yin* 'ограды'. Суффикс *-ai* можно проследить и в других бурятских говорах, напр. в исследованном Рудневым хоринском говоре (Хори-бурятский говор, § 113), аларском и т. д., но там суффиксом является -ā, не -^{a}ē. В агинском -^{a}ē чередуется, что и следовало ожидать после сказанного выше о чередовании ȧę̣ с ā̄ и с ε̄, с последними, т. е. -^{a}ē ~ -ā̄ ~ -ε̄, напр. А xānā̄ ~ xānε̄ 'хана' = мо. *χaγan-u* | ołŏmā̄ 'подпруги' = мо. *olum-un* | nox^{o}ēnūḍε̄ 'собак' = мо. *noχai-nuγud-un* и т. д.

В заключение о дифтонгах следует упомянуть, что ^{o}ē (после о первого слога) очень часто чередуется с ^{a}ē, что необычно, напр. в халхаском, где за a и u первого слога следует ^{a}ē, но за о первого слога ^{o}ē, напр. moγ^{o}ē ~ moγ^{a}ē 'змея' = халх. moγ^{o}ē | nox^{o}ē ~ nox^{a}ē 'собака' = халх. nox^{o}ē и т. д.

7. Консонантизм агинского говора имеет много общего с консонантизмом халхаского языка и во многом отличается от согласного состава западно-бурятских говоров.

Наиболее характерными особенностями сильных согласных агинского говора является их аспирированный характер. Согласные t и p всегда являются аспирированными и притом, как в халхаском языке, они имеют

[1] Хори-бурятские роды на территории Агинского аймака суть: xu̯ās^{a}ē, xŭbḍū̄t (xŭgḍū̄t), saγāŋ, boḍḍŏŋgūt, šar^{a}ēt, xargănā, xal'b'ĭŋ, gałzūt.

не только придыхательную рекурсию, но и такую же инкурсию. В начале слова мы имеем поэтому t‘ и p‘, а в середине слова ‘t и ‘p, напр. A p‘aɬāxă ‘доска’ < русск. *плаха* | X xōr‘p‘ŏ ‘деревянный сундук, не гвоздями сколоченный, но сшитый ремнями’ < русск. *короб* | t‘uɬāhăɒ ‘столб, колонна в деревянной летней юрте’ = мо. *tulγa-* ‘подпирать’ | A t‘ûn‘t‘ū ‘лоб’ < *tüntügü* | xos‘t‘r‘ōɬ ‘кастрюль’ < русск. *кастрюль* | g̱u‘t‘ăɬ ‘сапог’ = халх. g̱u‘t‘ŭɬ | xutăγă ‘нож’ = ал. xot‘ŏγŏ, халх. xu‘t‘ŭg̱, мо. *kituγa* | arā‘t‘ă ‘лисица’ = мо. *ariγatan* ‘хищники’, калм. arāt ‘лисица’ | X t‘amxă ‘табак’ = ал. tams‘ă, мо. *tamaki* | У t‘ānăt‘t‘ă ‘вам’ = халх. t‘ānăr‘t‘ă | ag̱t‘ămb‘iɬ ‘автомобиль’ < русск. и т. д.

Другой, не менее характерной особенностью консонантизма агинского говора является то обстоятельство, что слабые смычные, т. е. b, d, g и g̱, в начале изолированного слова являются всегда глухими, т. е. p̱, ḍ, g̱ и g̱. В середине же слова согласные b, g и g̱ являются звонкими, за исключением тех случаев, когда они предшествуют какому-нибудь сильному или глухому. Звонкими они являются и в середине такта речи в начале слова, когда голос после предшествующего звонкого согласного не обрывается. Согласный же ḍ является во всех случаях глухим. Таким образом можно было бы, пользуясь точной транскрипцией, писать g̱aɬ ‘огонь’, но jixxĕ g̱aɬ ‘большой огонь’ и т. д.

Примеры: У p̱oḍxūɬ ‘бандит’ = мо. *bosχaγul* ‘беглый’ | X p̱oɬxŏ ‘сделаться’ = мо. *bolχu* | A ḍuxxă ‘затылок’ = мо. *duχu* | ādăr borō ‘редкий дождь’ = мо. *adar boruγa* | ńiḍxĕ ‘бровь’ = ал. ńiḍxĕ | g̱āhăɒ ‘трубка для курения’ = халх. g̱ansă, мо. *γansă* | g̱oršōq ‘горшок’ < русск. | argăɬ ‘сухой помет рогатого скота, кизяк’ = ал. argādăhăɒ, халх. argăɬ, мо. *arγal*.

Характерной особенностью консонантизма агинского говора является, наконец, то обстоятельство, что известные согласные в положении между кратким ударенным гласным и кратким неударенным являются обычно долгими. Эти согласные суть: x, ḍ, j, ɬ(l), s, š, которые в таких случаях изображаются в транскрипции как xx, ḍḍ, jj, ɬɬ(ll), ss, šš, напр. A t‘oxxŏnŏq ‘предплечье, локоть’ = ал. toxŏnŏq | haxxăɬ ‘борода’ = ал. haxūɬ, халх. saxxăɬ, мо. *saχal* | saxxăr‘ĭk ‘серьга’ = мо. *čaγariγ* ‘кольцо’ | ûxxĕhĕɒ ‘умерший’ = халх. ûxxŭsĕ, мо. *ükügsen* | K t‘oxxĕr‘ēɒ ‘круглый’ = ал. tĕxr‘ōɒ | ńüḍḍĕ‘t‘ē ‘с глазами’ = мо. *nidütei* | xaḍḍăm ėžī ‘теща’ = мо. *χadum* ‘свойство, родня жены’ | X xoḍḍĕ‘ĭmĕr‘ĭ ‘работа’ = мо. *ködelmüri* | K xuḍḍănsă одно из семи подразделений рода šar[a]ēt хоринских бурят[1] | A assă ‘развилина’ = мо. *ača* | xaššărăq ‘двухлетний теленок’ = ал. xašăr‘ăq > русск. *качирик* | K ašší ‘внук, племянник по брату’ = мо. *ači* и т. д.

8. Слабые смычные ‘b, g и g̱ в середине слова, в положении между гласными являются, как сказано, звонкими. Кроме того, они обычно оказываются замененными соответствующими проточными w и γ. Со спирантом w

1 Эти семь подразделений рода Шарайт образуют так наз. ḍoɬōɒ xûxūr, распадающиеся на xuḍḍănsă, hag̱šūt, t‘obŏ‘t‘°ē, ax[a]ēdă, ḍoɬōt, hûn‘ĭt, ḍeɬḍī.

часто чередуется b не полного смыкания, т. е. *β*, который простоты ради можно в транскрипции не отличать от b.

Примеры: А xawăhăə 'ребро' = ал. xab'ărgă, мо. *χabirγa* | šowūə 'птица' = ал. šubūə, мо. *sibaγun* | К awžā 'тетка, сестра отца' | А hoγōə 'маралуха' = ал. hoγōə, халх. soγŏ, мо. *soγu* | huγă 'место подмышкой' = мо. *suγu* | eγĕm 'ключица' = мо. *egem* 'ключица, плечо' | oəgōšxŏ 'окошко в деревянной юрте' < русск. *окошко* и т. д.

Что касается слабых в конце слова, то они являются там, конечно, всегда глухими, т. е. b̥, d̥, g, g̊, причем в конце двух- и многосложных слов они являются уже настолько глухими, что их можно передавать знаками p, t, q, k. Следует лишь помнить, что эти p, t, q, k являются по природе своей слабыми и не аспирированными. .

9. Обращаясь к рассмотрению отдельных согласных, поскольку они дают что-нибудь новое по сравнению с другими, мне известными, говорами, начнем с s. Звук этот соответствует, как и во всех бурятских говорах, письменно-монгольскому *č* и халхаскому c', напр., saγāə 'белый' = халх. c'aγā, мо. *čaγan*. Что же касается письменно-монгольского и халхаского s, то ему соответствует в конце слога и слова d̥, во всех же остальных положениях h, напр. А b̥od̥ 'вставай!' = мо. *bos* | hûə 'молоко' = мо *sün*, халх. sū, ал. ûhĕə | hamărxă 'плавать' = мо. *samurχu* 'переливать' и т. д.

Ввиду того, однако, что среди агинских бурят сравнительно широко распространена грамотность на монгольском языке, а кроме того, ввиду непрекращавшихся до настоящего времени довольно оживленных сношений с Халхой, в говоре агинских бурят встречаются очень часто формы с сохранением общемонгольского s, напр. У orŏsūt 'русские' вместо обычного orŏd̥ūt | salx'ĭnāsă 'чем ветер' вместо обычного halx'ĭnhā | А g̊egērūl'sĕə 'просветивший' < мо. *gegeregülügsen* и т. д.

Важно отметить, что в произношении ряда лиц преобладает вместо s межзубный проточный *ϑ*, весьма близкий к английскому *th*, напр. У *ϑ*aė̆ĭxăə 'юфтевый' = халх. saė̆ĭ 'юфть' | *ϑ*oġ ~ soġ 'угольный жар' = мо. *čoγ* | mon*ϑ*ŏγŏr 'шарообразный' = мо. *mončuγur* и т. д. На эту особенность обратил, впрочем, внимание еще Руднев (Хори-бурятский говор, § 32). Аналогично *ϑ* < s наблюдается появление звонкого межзубного проточного ð, напр. У g̊aðā 'снаружи' = ал. gazā, халх. g̊ad̥ā.

Перед ī нередко наблюдается шепелявый s, т. е. ś, напр. А xanśī 'рукав' = мо. *χančui*.

Конечный *s* дал последовательно, (за исключением книжных заимствований типа X t'ûgĕs 'совершенный' < мо. *tegüs*, n'iswān'īs 'земные привязанности, тщетность' < мо. *nisvanis* < санскр. и т. д.), d̥, который сохраняется, попадая в положение между гласными, в то время как в некоторых говорах такой конечный d̥, попав в положение между гласными, заменяется h, напр. в аларском, где это обычно наблюдается в именных основах, напр. ал. maəgăt 'русский' — maəgăhār 'по русски' и не наблюдается как правило в глагольных, напр. bod̥ 'встань!' — bodōt 'встав'

(Аларский говор, § 19). В говоре селенгинских цонголов такой ḍ дает s, ср. bur'āt ~ bur'āsār. В агинском говоре ḍ является очень устойчивым и лишь спорадически можно наблюдать такие случаи, как saḍ 'насыться!'— sahā 'насытился', У nugăt 'утки'— nugăhīn 'его уток' (accusativus) и т. д. (такие случаи, как А ḍūhā 'кончил' = ал. dūdā в расчет не идут, ибо в агинском основой является не ḍūḍ-, но ḍūhă-). Более же обычными формами являются orḍōr и т. п., т. е. с сохранением ḍ. Исключение представляет собою конечный ḍ, оказавшийся в положении между гласными в силу наращения суффикса, перед i: здесь он чередуется с š, что вообще очень характерно для хоринского говора в целом (Хори-бурятский говор, § 46). Наблюдать это чередование ḍ ~ š можно при наращении к основе суффикса accusativi, genitivi или притяжания третьего лица, напр.

У nůxxĕt — nůxxĕšīn 'его товарищи',
t'uxr'ūnūt — t'uxr'ūnūšīn 'его журавли',
А xůgḍūt — xůgḍūšīə 'хугдутов',
orŏt — orŏšī 'русского' (acc.),
gałzūt — gałzūšīn 'его галзутов' (acc.),
sałḍāt — sałḍāšī 'солдат' (acc.),
mor'ĭt — mor'ĭšī 'коней' (acc.) и т. д.

Как и в западно-бурятских говорах, в агинском *g перед i дал j, но с той лишь разницей, что в западных говорах, напр. аларском это развитие произошло во всех случаях, а здесь в агинском всюду, за исключением тех случаев, когда этому g предшествует ə, напр. ХШ erjĭ'ḍūt'ē 'повернули друг друга' = ал. erjĕ- 'вертеться', мо. *ergi-* | А ḅul'jā 'брыкнул' = ал. bul'jā, мо. *bulgi-* 'брыкать' | К erjĕ 'берег' = ал. èr'jĕ, мо. *ergi*, ср. аг. erjĕ 'кладеный баран' = ал. èr'jĕ, мо. *irge* | К šildē zaəgĭ 'имя одного героя-повстанца, боровшегося за национальное освобождение бурят = мо. ǰanggi 'командир' | aəgĭr 'турфан' = ал. an'jăr, мо. *anggir* | aəgĭ 'отделение, класс' = мо. *anggi* и т. д.

Группа əgn, представленная, напр. в халхаском языке комплексом gn (gn), в агинском сохранилась как таковая, в противоположность аларскому, где ən > gn, напр. У zaəgnă 'бранись' = халх. ʒagnă- ~ ʒăgĭn-, мо. *jangna-*.

Конечный *n в агинском совпал, как во всех бурятских говорах, с *ə, развившись в ə, напр., zuə 'лето' (ал. nažăr 'лето' агинцам неизвестно) = халх. ʒuə, мо. *jun* и т. д. Оказавшийся в силу отпадения конечного гласного на конце слова n сохранился, как таковой, напр. суфф. -n ~ -īn притяжания третьего лица = ал. -n' ~ -īn', мо. *inu*, напр. А moḍn'īn 'его дерево', ger'īn 'его юрта', nox°ēn 'его собака' и т. д.

Конечный ə в агинском оказывается очень часто сильно редуцированным и вместо сочетания гласный + ə в агинском часто наблюдается назализованный гласный, напр. А aḍų̄ 'табун' = халх. aḍū, мо. *aduγun* | uɬą̄ 'красный' = халх. uɬą̄, мо. *ulaγan* и т. д. Это ослабление конечного ə наблю-

дается обычно в конце двух- и многосложных слов, а также односложных с долгим гласным.

Чередование конечного ɒ с нулем играет в агинском, как и в других говорах, роль морфологического показателя: так, напр. путем отбрасывания ɒ образуется accusativus (ср. Аларский говор, § 22); без ɒ числительные употребляются как существительные, напр. jühĕ 'девять', zurgā 'шесть', žară 'шестьдесят' (без указания, каких предметов), но jühĕɒ xůɒ 'девять человек'. Интересны следующие примеры, ясно показывающие разницу в значении форм с ɒ и без них: uhăɒ ůg^{ů}ī 'нет воды' = uhă ůg^{u}ī 'без воды'.

Как самостоятельный звук, č в агинском отсутствует точно также, как и в других говорах, но в результате ассимиляции t и š, š и ž и т. д., звук этот в быстрой речи все же наблюдается, напр., А oʿtčʿĭ 'отправляясь' < ošĭžĭ = ал. ošŏžŏ ~ oššŏ, халх. oʿčʿĭʒĭ, мо. *odču* (ср. Хори-бурятский говор, § 36).

10. Палатализация (смягчение) согласных в агинском говоре является таким же обычным явлением, как и в других бурятских говорах, в частности, в аларском. Палатализованным оказывается, как правило, тот согласный, которому следовал **i*, напр. А n′urgăɒ 'спина' = ал. n′urgăɒ, мо. *niruγun* | n′īḍĕxĕ 'летать' = ал. n′īdĕxĕ, мо. *niskü* | xur′ā̄xă ~ xur′^{a}ēxă 'муж сестры жены, деверь' < **küri aχa* = бур. бох. xur′ā̄xă 'муж' | К xůr′ḍū̄ 'младшая сестра жены' < **küri degü* | ůḍō̄r′ĭ 'завязки из ремня, которыми соединены отдельные жерди решетки стены юрты' = мо. *üdegeri* | Х nar′īɒ 'тонкий' = халх. nȧrī, мо. *narin* | xor′ō 'овечий загон' = халх. xorō 'двор, квартал', мо. *χoriya* | ḅur′ā̄t 'бурят' = ал. bar′ā̄t, мо. *buriyad* | У x′irō̄ḍō̄t 'пилив' ~ x′ůrō̄šĭɒ 'пильщик' = халх. xȯrō̄ 'пила', мо. *kirüge* | mor′ō 'своего коня' (accusativus) = мо. *mori-ban* | xar′ĭjāʿtʿă 'подведомственный' < мо. *χariyatu* | ůḍr′ē 'дня' < ůḍĕr′ījĭ = ал. ůḍĕr′ĕ | ȧm′ā̄rā 'отдельно' = мо. *ami-bar-iyan* 'своей жизнью' | xůn′ījĭ 'человека' (accusativus) = мо. *kümüni* | n′üsĕgĕɒ 'голый' = халх. nůcʿŭgų̆, мо. *ničügen* и т. д.

Под влиянием **i* появляется на месте х палатализованный х′, часто чередующийся с ich-Laut'ом, напр. К x′iłłĕ ~ çiłłĕ 'граница'.

Смягченные согласные русских слов в заимствованиях сохраняют, конечно, свою палатализацию, ср. А ḅul′ūḍă 'большая деревянная чаша' < *блюдо*, ger′bōłxŏ < русск. *гребенка* и т. д.

Палатализация в агинском говоре, кроме того, является результатом влияния предшествующего согласному гласного **i*, напр. Х mor′ʿt′ʿē 'с конем' = ал. mor′tē, мо. *moritai* | У zō̄r′ʿt′ʿē 'с имуществом' = мо. *jögeritei* | К tʿȧe̯łbăr′ʿt′ʿē 'с объяснением' = мо. *tayilburitai* | А ḅeḍ′ĕ ~ У ḅ′ėḍ′ĕ 'мы' = мо. *bide* и т. д.

В аларском говоре очень часто наблюдается смягченность не того согласного, за которым непосредственно следует i, но другого согласного, который находится в не непосредственном соседстве с i, напр. ал. bul′ăɒxā̄r 'мутный' = мо. *bulanggir* (Аларский говор, § 24). Это же явление наблю-

дается и в агинском говоре, напр. А ar'băŋ 'конский брюшной жир' = мо. *arbing* | У seḏ'xĕł 'мысль' < мо. *sedkil* и т. д. Явление это очень сильно напоминает перестановку гласных в халхаском, в результате чего получились такие формы, как халх. ȧrĭx 'водка', t'ȧmĭx 'табак' = мо. *araki, tamaki* и т. д. (ср. Владимирцов, op. cit., § 182).

Наблюдаются случаи появления палатализованных согласных, смягчение которых не может быть объяснено влиянием гласного i, отсутствующего во всех слогах данной формы. Таковы, напр. формы А ḏer'ĭ 'подушка' = мо. *dere* | Х erḏ'ĕm 'наука' = мо. *erdem* | ḇeḏ'ĕrēhĕmb'ĭ 'я искал' = мо. *bederi-* и т. д., на основании которых можно установить, что палатализация бывает обусловлена также влиянием *e. К таким случаям можно причислить еще К b'ėlbĕhĕŋ 'вдова' = мо. *belbesün*, хотя с другой стороны возможно отнести смягченность b за счет *i, так как известны случаи чередования *e ~ *i первого слога (Владимирцов, op. cit., § 84).

Совершенно особое место занимают такие случаи, как А omŏr'ūŋ 'подшейная ямка, конская грудь' = халх. omrū, мо. *omuruγun*. Здесь палатализация r объясняется влиянием следовавшего за ним *i, ибо известно чередование сочетания *i + γ + гласный с сочетанием гласный (не *i) + γ + гласный (ср. Владимирцов, op. cit., § 113). Таким образом, omŏr'ūŋ < *omuriγun ~ *omuruγun > мо. *omuruγun*. Сюда же относятся А zar'ā̆ 'еж' < *ǰariya (ср. в глоссарии Хамдаллаха Казвини جاريا, которое очевидно нужно исправить на جاريا *ǰariya* 'еж' (Н. Поппе. Монгольские названия животных в труде Хамдаллаха Казвини, ЗКВ, I, стр. 199) ~ *ǰaraγa > мо. *ǰaraγa* | К ḇol'ḏĭrō 'песчаный бугор' < *boldiruγa < *bolduriγa ~ *bolduruγa, ср. мо. *bolduru* 'неровная, бугроватая почва'.

Точно так же чередованием *i ~ *u (см. Владимирцов, op. cit., § 102) объясняется форма К x'uhărăŋ 'кобыла, не имеющая в нынешнем году жеребенка' = ал. s'uhărăŋ 'корова, доящая с прошлогодним теленком' < *kisuruŋ < *qïsuruŋ ~ *qusuruŋ > халх. xussŭrų̆ 'бесплодная кобыла'.

В заключение этого параграфа о палатализованных согласных можно указать на интересную форму А ṫ'ȧb'ĭ 'материк' = халх. t'ėw, мо. *tib* < санскр. dvîpa, являющуюся, несомненно, скрещением мо. *tib* 'материк' и *töb* 'центр'.

11. В предыдущих параграфах были затронуты лишь такие явления агинского говора, которые объясняются довольно просто и ничего сложного с точки зрения современного монгольского языкознания в целом или бурятской диалектологии, в частности, не представляют. Особенности эти просты потому, что носят, как сказали бы мы, вполне закономерный характер, вытекая с полной последовательностью из всего того, что уже известно нам по данным литературного монгольского языка, других монгольских языков или других бурятских говоров. Эти особенности агинского говора дополняют наши данные по другим говорам и подтверждают те взгляды, которые установились в отношении тех или иных явлений монгольских языков в целом. Этого, однако, теперь недостаточно, ибо

наряду с явлениями вполне закономерными, поддающимися подведению под определенные законы, в агинском говоре, как во всяком языке, наблюдаются такие явления, которые под эти законы, в частности, под формулированные в предыдущих параграфах правила, подвести нельзя, ибо эти явления в рамки этих законов не укладываются и законам этим как бы противоречат. Пройти же мимо этих противоречащих общим законам явлений и объявить существенными и имеющими значение только вполне закономерные явления, нельзя, ибо такое исследование языка, направленное на установление лишь общих законов и игнорирующее детали, как случайное и потому не существенное, будет прежде всего односторонним, не говоря уже о том, что оно будет неприемлемо методологически. В самом деле, нельзя забывать того обстоятельства, что так называемое случайное имеет основание. По этому случаю будет нелишним привести следующую цитату из Энгельса: „Другая противоположность, в плену которой находится метафизика, это — противоположность между случайностью и необходимостью... Обычный здравый смысл, а с ним и большинство естествоиспытателей, рассматривает необходимость и случайность, как категории, безусловно исключающие друг друга. Какая-нибудь вещь, какое-нибудь отношение, какой-нибудь процесс либо случайны, либо необходимы, но не могут быть и тем и другим. Таким образом, оба существуют бок-о-бок в природе: в последней заключаются всякого рода предметы и процессы, из которых одни случайны, другие необходимы, причем важно только одно — не смешивать их между собой. Так, например, принимают главные видовые признаки за необходимые, считая остальные различия у индивидов одного и того же вида случайными... А затем объявляют необходимое единственно достойным научного интереса, а случайное — безразличным для науки. Это означает следующее: то, что можно подвести под законы, что, следовательно, знают, то интересно, а то, чего нельзя подвести под законы, чего, следовательно, не знают, то безразлично, тем можно пренебречь. Но при такой точке зрения прекращается всякая наука, ибо задачи ее ведь в том, чтобы исследовать то, чего мы не знаем. Это означает следующее: что можно подвести под всеобщие законы, то считается необходимым, а чего нельзя подвести, то считается случайным. Легко видеть, что это такого сорта наука, которая выдает за естественное то, что она может объяснить, сводя непонятное ей к сверхъестественным причинам...“ (Диалектика природы. Изд. 3-е, ГИЗ, Москва — Ленинград, 1930, стр. 136).

Глубоко ошибочно было бы, в самом деле, такое исследование языка, которое сводилось бы к установлению лишь общих законов, подбирая для этого лишь такие факты, к которым можно было бы прилепить полученные таким образом ярлыки, отметая все то, что противоречит этим законам или не укладывается в их рамки, как случайные и несущественные факты, между тем как результаты исследования целого в сильнейшей мере будут зависеть от правильной оценки единичных явлений и наоборот. Такой

метод является, между прочим, одним из главных недостатков новограмматической школы, относящей всякие трудно объяснимые исключения из фонетических законов обычно за счет влияний со стороны других диалектов и заимствований из других языков, словом, отказывающейся от объяснения этих так называемых исключений законами того же языка. Если бы бурятская диалектология пошла по этому самому пути, то она впала бы в те же самые заблуждения в отношении явлений бурятских говоров, что чревато вредными последствиями не только для нее самой, как определенной научной дисциплины, но также последствиями, затрагивающими уже область практическую, так как на основе научного изучения бурятских говоров должен теперь строиться литературный язык, для которого вовсе не безразличны те факты, которые в говорах существуют, но лишь исследователями были оставлены без внимания, как не укладывающиеся в обычные схемы.

Уже в работе об аларском говоре было обращено внимание на то обстоятельство, что, хотя халхаским свистящим аффрикатам в бурятском обычно соответствуют такие же спиранты, а халхаским шипящим аффрикатам в бурятском соответствуют шипящие же спиранты, все же наблюдаются изредка случаи обратных соответствий свистящих шипящим и шипящих свистящим, напр. ал. semĕgĕɒ 'костный мозг' = халх. č'ȯmŭg̥, но ал. šuhăɒ 'кровь' = халх. c'us и т. д. Объясняются эти случаи тем, что перелом *i, из которого развился гласный первого слога всех сравниваемых форм, в разных словах в разных языках произошел не одновременно (Аларский говор, § 15). Между прочим, там же было указано, что звуку ž других говоров в эхрит-булгатском соответствует j, в то время как звуку z других говоров и в эхрит-булгатском соответствует z. Из исключений из этого правила были указаны, между прочим, такие формы, как ал. zůḍxĕxĕ 'тянуть' = эхр. Ольхон jůḍxĕxĕ и ал. zůhĕɒ 'масть' = эхр. Ольхон jühĕɒ. Последняя форма особенно интересна, ибо и в халхаском языке и во всех прежде известных бурятских говорах эхритскому j данной формы соответствует свистящий аффрикат или спирант, ср. халх. ʒůs, калм. züsn̥, ал. zůhĕɒ, почему мы и в эхритском ожидали бы z, а не j, так как обычно z других говоров там соответствует именно z, напр. zołgŏxŏ 'встретиться' = ал. zołgŏxŏ. С другой стороны, однако, на основании эхритского j мы ожидали бы где-нибудь в других бурятских говорах ž, ибо таково обычное соответствие. Теперь в агинском говоре, действительно, такая форма была обнаружена, ср. X žůhĕɒ ~ žühĕɒ 'масть' и, таким образом, мистериозность эхритской формы jühĕɒ падает. Это обстоятельство очень интересно и ценно, ибо лишний раз подтверждает способность языкознания предсказывать формы, не данные в опыте в настоящий момент, но обнаруживающиеся впоследствии в процессе будущих исследований. Но это не единственное следствие, вытекающее из факта существования формы žůhĕɒ, ибо, как показывает шипящий характер спиранта ž, обусловленный всегда тем, что за ним следовал

раньше *i независимо от нынешнего вокализма формы, форме ǯûhĕə должна соответствовать в качестве более древнего эквивалента форма *ǯisün, каковая сохранилась в письменном языке, ср. мо. ǯisün. По поводу этого следует заметить, что форму ǯisün 'масть' иногда сближают с тюркским yüz 'лицо', полагая, что гласный i в ǯisün более нового происхождения, и вместе с этим возводят ǯisün к *ǯüsün. Как явствует, однако, из сказанного выше, форма ǯisün как раз является более древней, почему предложенное сближение ǯisün = тюрк. yüz необходимо отвергнуть (правильно будет сближение тюрк. yüz = мо. düri 'вид'). Это обстоятельство очень поучительно, ибо доказывает, что данным письменного языка нередко не доверяют совершенно неосновательно, предпочитая документированной форме форму гипотетическую, якобы существовавшую в предполагаемом праязыке.

Чрезвычайно интересной является повсеместно распространенная в агинском говоре форма xûhō̆ ~ xóhō̆ suɬūnə 'керексур, намогильный памятник'. В письменном языке этому xóhō̆ соответствует kösiye, в халхаском xóšō̆, в калмыцком (напр. дэрбэтско-астраханском) köšē. Спиранту h во всех известных языках в этом слове соответствует таким образом š, в то время как обычно спиранту h соответствует s. Таким образом можно полагать, что форма xóhō̆ непосредственно развилась из *xóšō̆, которая нигде не засвидетельствована, причем даже в тюркских языках эта форма встречается лишь с шипящим, ср. тувинск. köžä, матырск. közä, абаканск. közä < *kösä (в абаканск. š всегда дает s, в положении между гласными — z). Форма *xóšō̆ < *kösē стоит совершенно изолированно. Между тем она представляет собою огромный интерес, ибо свидетельствует о том, что стяжение iye > ē в *kösē произошло раньше, чем *s стал развиваться в š и минуя эту стадию, в то время как в обычных формах типа халх. xóšō̆ сперва *s развился под влиянием i в š, а потом произошло стяжение, т. е. аг. xóhō̆ < *köhē < *kösē < *kösiye > *köšiye > *köšē > халх. xóšō̆. Любопытнее всего то обстоятельство, что форма аг. xóhō̆ находит полную параллель в X ûhō̆ 'ненависть' = халх. óšō̆t'ē 'ненавистный', ордосск. Ушин öšō̆t'ē, Урат óšō̆t'ē id., калм. (дэрб.-Астр.) öšē 'ненависть', ср. баргу-бурятск. óš id., но халх., харачинск. Урат ós, ордосск. ös 'ненависть, месть'. Последние формы со свистящим спирантом, т. е. халх. ós и т. д., однако, не равноценны нашей форме ûhō̆, ибо ós развилось из *ös, ср. мо. ös 'ненависть', в то же время как *ösē восходит к *ösiye = мо. ösiye, т. е. к форме с *s в положении перед *i. Форма эта, как видно, представляет собою полную аналогию вышеприведенной форме xóhō̆.

В агинском говоре совершенно неожиданно находится подтверждение эхритских (на Ольхоне) форм gûtĕhĕə 'кишки' и gatăhăə 'кол', ср. аг. gat'ăhăə 'ноги котла' и get'ĕhĕə 'кишки'. В аларском говоре этим формам соответствуют gadăhăə 'колышек' и gûdĕhĕə 'кишки', ср. халх. gaḍḍăs 'кол', gėḍḍės 'кишки', мо. γadasun 'кол', gedesün 'желудок, кишки'. Это развитие *d > t' в середине слова, наблюдающееся и в других мон-

Монголия

гольских языках (напр. в дагурском) и чуждое очень многим, в том числе ряду бурятских говоров, нуждается еще в объяснении, хотя, быть может, оно является в данном случае результатом своеобразной диссимиляции: слабый — слабый > слабый — сильный, т. е. $\gamma - d > \gamma - t$. Вообще подобные явления, объясняющиеся влиянием согласных начала и середины слова друг на друга, в отдельных монгольских языках наблюдаются. Так, напр. можно указать на развитие x — ʻtʻ > g̱ — ʻtʻ в известных говорах халхаского языка, напр. халх. Мишикгунского хошуна g̱aʻtʻq̱ = халх. Уланбатор haʻtʻq̱, мо. *χatun* ʻдама', халх. Мишикгунск. g̱oʻtʻŏ = халх. Уланбатор hoʻtʻŏ, мо. *χota* ʻгород' и т. д., где произошло ослабление начального сильного в силу того, что придыхательный переход начальных сильных к следующему гласному, как правило, в халхаском оказывается слабее в словах, в которых во втором слоге имеются аспирированные сильные, чем в тех словах, в которых таковых во втором слоге нет (см. Владимирцов, op. cit., § 269). В гораздо большем масштабе наблюдается такое ослабление начальных сильных в ордосском (ср. A. Mostaert, Le dialecte des Mongols Urdus (Sud). Anthropos, XXII, p. 167). Наконец, можно привести явление диссимиляции *č — *ċ > мо. s — č (Владимирцов, op. cit., § 274).

Обратное явление, озвончение глухого в положении между гласными наблюдается в агинском говоре в слове xŭ̄gĕt ~ xŭ̄γĕt ʻдети' = мо. *keüked*, ср. халх. xŭ̄xĕt ʻдети, мальчик', ордос. xŭ̄xĕt, калм. kŭ̄kʻd̨ и т. д. Озвончение в этом слове произошло также в баргу-бурятском, ср. там xŭ̄gų̆ ʻдочь'. Явление это сильно напоминает аналогичные явления дагурского языка, но здесь оно ограничивается лишь этим одним случаем и имеет, вероятно, свой источник в особенностях агинского говора. Так как этот пример стоит изолированно, приходится пока лишь ограничиться констатированием факта его наличия.

Гласному ȯ халхаского языка в агинском, как сказано, соответствует u̇ или ȯ. Исключением из этого правила является, прежде всего, ewĕr ʻюжный склон горы' = ал. ëbĕr, халх. ȯwŭr, мо. *ebür*. Таким образом, оказывается, что в то время, как во всех остальных случаях, когда письменному *e* в халхаском соответствует ȯ, в агинском соответствует u̇ (~ ȯ), здесь письменному *e* соответствует ė. Обычно полагают, что письменно-монгольский *e* в таких случаях изображал собою звук, средний между *e* и *ö*, хотя на основании таких примеров, как аг. ewĕr ʻюжный склон' = мо. *ebür*, можно теперь с большой уверенностью утверждать, что гласным здесь был именно **e*. Это подтверждается также рядом аналогичных случаев в дагурском языке, сохранившем *e* там, где мы имеем его в письменном, а в большинстве языков ȯ или u̇ (Н. Н. Поппе. Дагурское наречие. Ленинград, 1930, стр. 108). Пример этот ewĕr ʻюжный склон' = мо. *ebür* еще лишний раз показывает, что формам, искусственно восстановленным и предположительным, во многих случаях следует предпочитать данные письменного языка, являющиеся исторически документированными.

Библиотека ГОВУД
А. Н. С. С. С. Р.
Институт Этнограф

Другое исключение из правила соответствия ȯ других языков звуку u̇ (~ ȯ) в агинском говоре представляет собою повсеместно на территории агинского говора распространенная форма meɒ 'именно' = халх. mȯɒ, мо. *mön*. Этот случай уже совсем иного порядка, ибо там аг. e соответствовал письменному *e*, а здесь он соответствует письменному *ö*. Примеров такого обратного соответствия в монгольских языках довольно много, и, кроме того, известно чередование *e* ~ *ö* в самом письменном языке (Владимирцов, op. cit., § 85). Примером такого чередования является и аг. meɒ 'именно'.

В аларском говоре спорадически наблюдаются случаи появления в первом слоге в положении после губного согласного и гласного u̇, там, где в большинстве других языков и в письменном языке имеется *e*, ср. напр. ал. butĕ 'словно' = дагурск. mu̇ʿtʿĕ, мо. *metü*, халх. mė̆ʿtʿĕ, аг. meʿtʿĕ. В агинском говоре, как видно из данного сопоставления, в этом случае e сохранился, но в некоторых других словах **e* > u̇, хотя, что очень любопытно, в других говорах, наоборот, это развитие не произошло, напр. A mu̇šši̇ɒ 'звезда' = Эхр.-булгат., ал. mešĕt, халх. mė̆ʿčʿĭt, мо. *mečid* 'плеяды', множ. число от *mečin* | A ḅu̇r'ē 'кнутовище' = мо. *beriye* 'палка, дубина' (ср. тунгус. Баргуз. berege 'кнут').

Соответствие u обычному o письменного языка и других языков и говоров наблюдается в g̰ub'ĭ 'степь, гобийская равнина' = мо. *γobi*, халх. g̰owĭ, что напоминает чередование u ~ o в аг., халх. g̰uʿtʿăł 'сапог' = ал. godŏhŏɒ 'самодельные сапоги', с той лишь разницей, что в последнем случае наблюдается как раз обратное соответствие.

12. В предыдущем параграфе были подвергнуты рассмотрению случаи, не укладывающиеся в рамки обычных соответствий и представляющие собою единичные развития, которые тем не менее, за редкими исключениями, находят объяснения и ничего загадочного собою не представляют. К ним можно прибавить еще некоторое количество примеров, уже менее ярких, в том числе ряд форм, заслуживающих быть приведенными здесь не потому, что они чем-либо особенным отклоняются от обычных норм, но потому, что они, наоборот, ближе к ним, чем формы некоторых других бурятских говоров. Под нормами же — это необходимо подчеркнуть — здесь понимаются такие формы, которые прямо вытекают, согласно общим законам фонетики бурятского языка, из наиболее древних известных нам форм.

Форме халх. ārūł 'сырок, высушенные отбросы винокурения' < **aγaruγul* соответствует в агинском *ȧe̯rūł* < **aγiruγul* < **aγiruγul*. Форма эта чрезвычайно интересна, ибо входит в систему чередований **aγa* ~ **aγi*, известных в монгольском языке (ср. Владимирцов, op. cit., § 147).

В форме У xuł̰g̰ănāɒ 'мышь' = халх. xuł̰g̰ŭn, мо. *χuluγuna* наблюдается трудно объяснимая долгота, встреченная еще в уратском языке, ср. там xuł̰g̰ănā 'мышь'. Такая же трудно объяснимая долгота наблюдается в X un'ā 'унина, жердь крыши юрты' = мо. *unin*, халх. unĭ.

В то время, как в аларском говоре мо. *sölsün* 'желчь' соответствует helĕhĕŋ, в агинском наблюдается в отношении вокализма более закономерная форма hůłĕhĕŋ 'желчь'. Сохранение губного гласного в отличие от аларского говора наблюдается и в форме Х ḅůhĕ 'пояс' = ал. behĕ, халх. ḅůs, мо. *büse*. Зато в форме semĕgĕŋ 'костный мозг' = ал. semĕgĕŋ, халх. č'ómŭg̥, мо. *čimügen* наблюдается полное соответствие с аларским.

Отсутствие стяжения, характерного для данных слов в большинстве монгольских языков, наблюдается в аг. ůrgĕŋ 'подбородок' = ордос., урат. erū̆, мо. *erügün*, в чем агинский совпадает с ал. ërgĕŋ и дэрб.-Астр. örgn̥. Ср. еще n'urgăŋ 'спина' = ал. n'urgăŋ, дэрб.-Астр. nurγn̥, мо. *niruγun*, но халх. nurū id. Любопытно отметить, что в значении 'горный хребет' это слово в агинском употребляется в форме n'urūŋ. Различие по говорам наблюдается в форме А, Х, У, К xurgăŋ 'палец' = ХШ xurūŋ, ср. ал. xur'găŋ, дэрб.-Астр. xurγn̥, халх. xurū, мо. *χuruγun*.

Интересные колебания по говорам обнаруживает К ůbō̆lžĭŋ ~ У ḅówō̆lžĭŋ 'удод' = ал. ëgō̆lžĕŋ, ордос. ō̆lǯĭn, мо. *öbügeljine*.

Перестановка наблюдается в Х, К ḅoγŏhŏ 'порог' = ал. bohŏg̥, халх. ḅossŏg̥, мо. *bosuγa*.

Отсутствие долготы характерно для формы urŭł 'губы' = ал. ūrăł, дерб.-Астр. ūrł̥, халх. urūł, мо. *uruγul*.

Аларскому dosō 'внутри' в агинском соответствует zosō̇ (ср. Руднев, op. cit., § 122).

Как и в аларском, фонетически диференцированы xū̆rgĕ 'мост' и xō̆rgĕ 'мех' = мо. *kögerge* ~ *kögürge* ~ *kegürge* 'мост, раздувальный мех, бубен', ср. ал. xū̆rgĕ 'мост', xō̆rgĕ 'мех', бохан. xërxĕ 'мех'.

Наконец, тибетское слово ཇོ་བོ་ *jobo* произносится ǯ́ū = халх. ʒū, ср. аг. ḅarūŋ ǯ́ū 'Тибет' = халх. ḅarų̄ ʒū.

13. В области морфологии можно лишь немного прибавить к тому, что в свое время было установлено Рудневым в отношении хоринского говора в целом.

Форма родительного падежа с безличным притяжанием образуется при помощи суффиксов -īγā (от основ, оканчивающихся на n), -īŋgā (от основ, оканчивающихся на краткие гласные), -ŋgā (от основ, оканчивающихся на дифтонги), -γā̆γā (от основ, оканчивающихся на долгие гласные) -ᵃēŋgā ~ -ā̆ŋgā (от основ, оканчивающихся на согласные), напр. mor'īnīγō 'своего коня', āwᵃīŋgā 'своего отца', noxᵒēŋgō 'своей собаки', xašāγā̆γā 'своего двора', g̥erēŋgē 'своей юрты'.

Интересными формами являются формы типа ḅejĕ't'ā̆t 'будучи с телом', ošō ůgā̆t 'еще не уйдя', xůrō̆ ůgāt 'еще не прибыв' и т. д., где ůgā̆t возникло из отрицания *ügei* 'нет' и деепричастия разделительного **aγad* от глагола *a-* 'быть', от которого употребителен ряд форм, напр. деепричастие разделитель ad̥ăłă = ал. adăłă, мо. *aγad-ele* и др.

Обычной уступительной формой является форма на -šihā или -šihāl ~ -šijăhā, напр. X ûgī-šihāl 'хоть и нет', У mū-šijăhā 'хоть и плох', где -ši = мо. -*ču*, а -ăhā — условная форма от глагола *a-* 'быть', причем j в -šijăhā возник под влиянием i.

Наконец, как всюду в хоринском говоре, и здесь в агинском частицей вопроса является gû, которая присоединяясь к словам, оканчивающимся на долгие гласные, сокращаясь, принимает вид g ~ k (q), ср. endĕhē-gû 'отсюда-ли?', jawāq'ťă 'вы ходили?' и т. д.

14. Если сопоставить все вышеизложенное с данными по западно-бурятским говорам, разница между агинским говором и последними не может не броситься в глаза. Различия, существующие между агинским и западно-бурятскими говорами, однако, не ограничиваются изложенным, ибо не только фонетически и морфологически отличаются эти говоры между собою. Попутно следует заметить, что различия только в фонетике и морфологии еще не приводят к такому положению, что представители разных говоров перестают друг друга понимать, и это даже тогда, когда эти различия очень значительны. В качестве примера можно указать на халхасов и восточных бурят (хори-бурят, особенно агинских), которые, несмотря на значительные расхождения как в фонетическом, так и морфологическом отношении, их языков, прекрасно понимают друг друга. С другой стороны, однако, западные буряты очень плохо понимают восточных, хотя фонетически и морфологически их говоры отличаются друг от друга, конечно, в значительно меньшей степени, чем от халхаского языка. Отсюда как бы вытекает, что главные затруднения создают не фонетическое и морфологическое несходство, но что то другое. Это другое — словарный запас.

Обычно утверждают, что западные буряты больше обрусели, чем восточные, и что язык последних, якобы, больше сохранил себя от проникновения в него русских заимствований. На это нужно все же заметить, что и в агинском говоре наблюдается очень значительное количество русских заимствований. Эти заимствования затрогивают все области понятий, и даже терминологию частей летней юрты и упряжи. Это обстоятельство может на первый взгляд показаться очень странным, так как менее всего можно было бы ожидать русское происхождение и заимствованный характер в языке кочевого народа именно этих терминов. Объясняется же это тем, что летняя деревянная юрта агинских бурят, по виду напоминающая обыкновенный сарай с дверью, но без окон и с двухскатной крышей с четырехугольным отверстием посредине, представляет собою совершенно очевидно заимствованный тип постройки, в то время как зимняя войлочная юрта, представляя собою более старый тип жилища, имеет свою, уже монгольскую, терминологию. Русского типа и упряжь и повозки (четырехколесные ходки, сплошь да рядом с железными осями), изготовляемые к тому же не самими бурятами, но часто покупные в сельских лавках, почему и их терминология заимствованная. Сюда же можно прибавить

еще заимствования, относящиеся к домашней утвари, главным образом, посуды.

Не ставя своей целью дать исчерпывающий список русских заимствований, приведу лишь некоторые.

sar^{a}ē < *сарай*,
p′ʿēšĭŋ < *печь*,
ugłū < *угол*,
pʿałāxă < *плаха*,
ḏarn′īsă < *драница*,
tʿēl′n′ĭk < *телятник*,
ėršēʿtʿn′ĭk ʿстропила крыши’ < *решетник*,
xėrʿp′ʿīs < *кирпич*,
xołūḏă ʿверхний косяк двери’ < *колода*,
oŋg̮ōšxŏ < *окошко*,
amb̆ār ʿсарайчик на колесах’ < *амбар*,
sxămjā ʿкозлы для пилки дров’ < *скамья*,
b̮ul′ūḏă < *блюдо*,
m′īsxĕ ~ n′īsxĕ < *миска*,
g̮oršōq < *горшок*,
asʿtʿăxāŋ < *стакан*,
xosʿtʿr′ōł < *кастрюль*,
b̮orōŋxŏ < *воронка*,
xaḏūšxă ʿдеревянная кадушка для дегтя’ < *кадушка*,
łagūšxă ʿкадушка’ < *лагушок*,
łamʿpʿă < *лампа*,
xōrʿpʿŏ ʿсундук, кормушка’ < *короб*,
tʿūłxă < *втулка*,
šēnĕ ʿжелезная шина’ < *шина*,
sumā < *сума*,
sūmxĕ < *сумка*,
išl′āb̮xă małăγ^{a}ē < *шляпка*,
ger′bōłxŏ < *гребенка*,
xarmāŋ < *карман* и т. д.

Значительное количество русских заимствований в агинском говоре не дает права считать западные говоры (единичные исключения оставляю в стороне) более утратившими „свою чистоту“ и потому не идущими в расчет в вопросах языковой политики. Добавляю, что исследования на территории Эхрит-булгатского аймака обнаружили, что тамошние буряты в большинстве случаев очень плохо владеют русским языком и что русских заимствований в их говорах очень мало.

Агинский говор стоит довольно далеко в отношении своего словарного запаса от западных говоров. Конечно, в агинском говоре имеется ряд книжных слов, халхаских, тибетских, довольно сильно развита

и хорошо понятна каждому агинцу современная революционная монгольская терминология, но главное заключается еще не в этом, а в том, что так называемый основной запас слов в агинском довольно сильно отличается от словарного запаса, напр. аларского. В качестве иллюстрации приведу лишь несколько слов:

аг. t'arx̆ĭ 'голова' — в этом значении в аларском не употребляется и имеет лишь значение 'мозг',
аг. t'ûn't'ŭ 'лоб' — в ал. отсутствует,
аг. xanšĭr 'брюхо' — в ал. нет,
аг. arā't'ă 'лисица' — в ал. в этом значении отсутствует,
аг. zuɒ 'лето' — в ал. не употребительно,
аг. ādă̆r borō 'ливень' — в ал. отсутствует,
аг. ab'ĭhăɒ 'жены двух братьев' — в ал. отсутствует,
аг. xŭgĕt 'дети' — в ал. нет,
аг. sūrgă 'замок' — в ал. нет,
аг. hamărxă 'плавать' — в ал. нет,
аг. hagšūr 'решето' — в ал. нет,
аг. xûnĕk 'ведро' — в ал. нет,
аг. xaγăsă 'берестяный поднос' — в ал. нет,
аг. ad̆ā̆r 'полки, шкафик' — в ал. нет,
аг. xagdū ûjjĕ 'плюсна' — в ал. нет,
аг. sarbū 'запястье' — в ал. неупотребительно,
аг. zōxĕ 'кочевать' — в ал. значит только 'таскать, возить' и т. д.

Само собою разумеется, что многие слова в агинском и аларском имеют совершенно различные значения, напр. аг. ɓōl'ĕxĕ 'петь' — ал. только 'шаманить' и т. д.

С другой стороны, приведу ряд аларских слов, совсем незнакомых агинцам или очень мало употребительных в их языке: ал. sam'ărγā 'висок', šaγābăr 'окно', xĕgšĕɒ 'жена' (в аг. только 'старый'), tamărxă 'плавать', zudăɒ 'лес', nažăr 'лето', sesĕgē[i] 'зрачок', odɒ 'звезда' (в аг. малоупотребительно, вместо него mûššĕɒ), ûnĕgĕɒ 'лисица' (известно только грамотеям), ūγăɒ 'старший сын', tēl'ĕ 'средний сын', dā[i]dă 'страна', hūl'gă 'ведро', sōl' 'дом' и т. д.

Размеры настоящего очерка, к сожалению, не дают возможности подвергнуть вопрос о словарном запасе агинского говора в сравнении с таковым других говоров более детальному рассмотрению. Во всяком случае, даже этих немногих примеров достаточно, чтобы убедиться в том, что агинский говор лексически стоит далеко от западных и притом в отношении даже самых простых основных слов, совсем не относящихся к какой-либо специальной области. Вместе с тем укажу, что словарный запас агинского говора в бо́льшей своей части в точности совпадает со словарным запасом халхаского языка и что большое количество слов агинского говора представляет собою лишь фонетическую переработку соответ-

ствующих халхаских слов. Это то и делает халхаский язык столь понятным агинским бурятам и, наоборот, агинский говор халхасам.

В заключение замечу, что одной из ближайших задач изучения бурятских говоров является сравнительно-словарное изучение их, которому бурятская диалектология, увлекавшаяся до сих пор, главным образом, вопросами фонетики, должна будет уделить больше внимания.